

КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

1925

КНИГА
ВОСЬМАЯ
ОКТЯБРЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

поэтических достижений. В стихотворении «Спросонья» Жаров говорит:

Долго, склонившись к моей подушке,
Когда вьет кругом тишины,
Александр Сергеевич Пушкин
Разговаривает со мной...

Пожелаем поэту, чтобы Пушкин перешел от его подушки к его письменному столу.

Федор Жич.

Недра. Литературно-художественные сборники. Книга седьмая. М. Изд. «Недра». 1925. 294 стр. 2 р.

В седьмой книге «Недра» только «Страна родная» Артема Веселого действительно глубоко берет, разворачивает самые недра революции, а частью и литературы.

«Страна родная» — это кусок романа, повидимому, начало его. Основным языковым тоном повествования взят мужицкий сказ, вернее — мужиковский (не бабий) говор — крепкий, гулкий, матерщинный, в редких случаях добродушный и осторожливый. Но, взявши его за основу, Артем не удовлетворится одной только стилизацией под мужицкий говор. Артем постоянно обрабатывает его, сдвигает друими, им самим отысканными новыми словами и словосочетаниями. Много таких мест, где, например, остается мужицким, говорным синтаксис, но лексика наполнени своя, артемовская, сделанная либо под этот же говор, либо самостоятельно. Это чрезвычайно ценно, потому что чистая стилизация — путь наименьшего сопротивления.

Композиционно повествование не обмужуживает особой стройности. Оно состоит из ряда крупных и мелких эпизодов и казусов, приверстных один к другому в порядке только элементарной хронологической последовательности, а в сумме развертывающих картину жизни и смуты одного из глухих, но беспокойных заволжских уездов в годы продрозверстки, комбедов, чрезвычайных налогов и крестьянских бунтов.

Героев много. Но каждый из них прежде всего мужик. В каждом дан прежде всего некоторый сборный мужицкий характер,

разно проявляющийся в зависимости от той обстановки, в которую он попал, и от той роли, которая ему определена в жизни Ключевинского уезда. Если он попал в председателя исполкома и ему определено нести административную работу в условиях 1919 года, то он хоть и Капустин, Иван Павлович, побывавший в Сибирь-тайге и еще где-то; а все-таки прежде всего он — мужик, и администрирует по-мужицки. Если он дезертир и бунтовщик Митька Кольцов, — он и дезертирует и бунтует сугубо по-мужицки.

Давая такого рода сборные характеры, Артем с большим умением обнаруживает в каждом из них также и индивидуальные черты, делаящие каждого живой и оштумой фигурой.

В основных эпизодах, из которых складается магистраль повествования, выступает сама мужицкая масса. Эти эпизоды — большею частью, — столкновения массы с руководителями, с представителями власти, с героями повести, — то, что определяет и тему всего разбираемого куска романа в целом.

В характеристике отдельных выступлений массы возражения вызывает один прием, может быть, не сам по себе, а потому, что слишком уж часто и без вариаций он повторяется. Артем дает «голоса из толпы», под-ряд, не прикрепляя их ни к какой определенной фигуре, примерно, так:

«Штались улицей, сбивались в кучки:

— Начисто гребут.

— Без милости...

— Как хочешь, так и kloхчешь...

— Мы, гыт, голоды...

И так далее. Из недостатков следует еще отметить, что автор вообще не особенно удачно пишет про любовь: мало нового как в самой ситуации любви Ефима и Гильды, так и в разработке ее. Кроме того, фигура Ефима отдает нарочитостью и дешевой карикатурностью. Иногда не очень удачно «образничество» автора — но это лишь в отдельных случаях. Попадаются идущие вразрез с основным тоном мужицкого говора штампованные литературные фразы — но тоже только в отдельных случаях.

Но сконцентрированность внимания автора на мужицкой массе, которая ха-

ктеризована не со стороны, а изнутри, человеком той же мужицкой стихии, а не посторонним наблюдателем, умение показать эту массу даже в индивидуальном характере, плотная пригнанность всех средств изобразительности и выразительности к выполнению этой основной задачи, самостоятельная работа над мужицким языком — все это не малые достоинства; окончательное суждение о вещи в целом, однако, должно быть отложено до появления романа целиком.

В сборнике есть еще рассказы Никандрова, Бибики и Яблочкова.

Никандров рассказывает о том, как трудно в наши дни интеллигентной женщине, разошедшей со своим мужем, жить в Москве без квартиры и службы. Старые знакомые от нее отвертываются, приют ей дает ее бывшая горничная со своим мужем — шофером. Оба весьма милые и простые люди, и так это по народной старинке оказываются они в глазах героини и автора носителями «неприкрашенной народной правды». Рассказ называется «Любовь Ксении Дмитриевны» — но любовь в нем нет. Есть раздраженная переписка героини со своим бывшим мужем и возврат ее к нему после того, как она кончила курсы машинописи. А любовь, как мотивировка этого возврата, только подразумевается.

Бибиком в рассказе «Дашь Минск — Баку» изложен эпизод в вагоне-теплушке с участием неизбежнито «балтийского матроса». Бибик не задумывается над человеческим характером. Оттого и не знаешь, что скажет его герой в тот или иной момент рассказа: выпалит из нагана или струсит.

* Рассказ Яблочкова «Петр Буянов» написан без записок, как биография — вот так: сначала Петр Буянов жил с отцом в лесу, потом где-то пропал, потом появился из центра за хлебом, вызвал крестьянский бунт, чуть-чуть не был убит, несколько дней скрывался в голом и страшном виде в лесу, спасся с приходом красного отряда, — и все время своим поведением старался оправдать свою фамилию — Буянов.

Н. Юргин.

Борис Пастернак. Рассказы. Цикл «Круг». Москва — Ленинград 1928 г. 106 стр.

Книга прозы с именем поэта на главном листе обычно вызывает подозрение в дилетантизме или случайной работе, вообще о чем-то необязательном для автора. Между тем это глубоко несправедливо. Достаточно вспомнить Пушкина и Лермонтова, чтобы опровергнуть этот педантический предрассудок, основанный, быть может, на нескольких неудачных примерах, о которых мы обычно говорим «проза поэта», как бы желая подчеркнуть какую-то серединность, смешанность двух глубоко по существу различных художественных методов в отношении к тому, что называется «миром».

«Проза поэта» — это может быть и высшей похвалой, и крайним порицанием в зависимости от того, какой смысл вкладывается в эти понятия. Если поэту удалось перешагнуть какую-то тонкую границу восприятия чисто поэтического, или — лучше скажем — лирического — и удержать себя в рамках необходимого для прозаика объективного созерцания — он даст прозу, до конца проникнутую тем чувством слова, той внимательностью к явлениям, которых можно искать только у поэтов. Ведь в сущности в каждом хорошем прозаике так или иначе скрывается поэт, независимо от того, удавались или не удавались ему рифмованные строки.

Мы думаем, что рассказы Пастернака принадлежат к хорошему, настоящему виду «прозы поэта». Ее поэтическая подоснова сказывается в некоторой фрагментарности, незаконченности, — пусть это будут минусы, но эта же поэтическая подоснова создает совершенно особую форму художественного зрения, художественной внимательности.

В этом необычайность книги, держащейся на границах дневника или исповеди (художника, конечно), почти физически ощутимой обнаженности всего душевного состава.

Основная предпосылка этой исповеди — единство и глубочайшее сродство всех явлений, их тесная перелетанность, мы бы сказали вредельная интимность. Это и составляет поэтическое сердце книги, которую нужно читать медленно погру-